

УДК 94(47).072.5:821.161.1-31(Толстой Л. Н.)
DOI 10.26170/vvi19-02-08
Код ВАК 07.00.03

*В.Н. Земцов**

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА*

Статья посвящена воздействию романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на историческую память о войне 1812 года. Автор статьи констатирует своеобразие общественной ситуации в России в начале 60-х гг. XIX в., что предопределило не только перелом в отношении к событиям 1812 г., но и обусловило сам факт появления романа Л. Н. Толстого. В статье на ряде примеров показано своеобразие отношения Л. Н. Толстого к работе с историческими источниками и отмечаются как достоинства толстовского метода, так и его значительные изъяны. Обращается внимание на особенности критики романа со стороны представителей исторической науки и прослеживается этапность «вписывания» толстовского восприятия видения событий 1812 г. в национальную память россиян. В заключение отмечается, что «Война и мир» Л. Н. Толстого продолжает сохранять преобладающее влияние в поле российской исторической памяти. При этом усилия историков-профессионалов из числа представителей «научно-критического направления» преодолеть «историческую толстовщину» оказывают слабое воздействие на базовые представления общества о своем прошлом, в том числе применительно к 1812 году.

Ключевые слова: отечественная война 1812 года; романы; историческая память; русская литература; русские писатели.

Сведения об авторе: Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru

Vladimir N. Zemtsov

LEO TOLSTOY AND RUSSIAN MEMORY OF THE WAR OF 1812

The article is devoted to the influence of Leo Tolstoy's novel "War and peace" on the historical memory of the war of 1812. The author of the article states the peculiarity of the social situation in Russia in the early 60s of the XIX century, which predetermined not only a certain turning point in relation to the events of 1812, but also caused the very fact of the appearance of the novel by Leo Tolstoy. In the article on a

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053) «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

number of examples the originality of L. N. Tolstoy's relation to work with historical sources is shown and both advantages of Tolstoy's method, and its considerable defects are noted. Attention is drawn to the features of criticism of the novel by representatives of historical science and traced the phasing of "inscribing" Tolstoy's perception of the vision of the events of 1812 in the national memory of the Russians. In conclusion, it is noted that the "War and peace" of Leo Tolstoy continues to retain a dominant influence in the field of Russian historical memory. At the same time, the efforts of professional historians from among the representatives of the "scientific-critical direction" to overcome the "historical tolstovschina" have a weak impact on the basic ideas of society about its past, including in relation to 1812.

Keywords: Patriotic War of 1812; novels; historical memory; Russian literature; Russian writers.

About the author: Vladimir N. Zemtsov, Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Modern and Current History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Head of the Department of General History and Methods of Teaching Historical Disciplines, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Пятидесятилетний юбилей Отечественной войны 1812 года Россия отметила скромно. В отличие от того, что было в 1837, и что будет в 1912, 2012 и даже в 1962 году. Тогда, в начале 1860-х гг., после Крымской катастрофы и с вхождением в эпоху реформ российская власть была расположена смотреть на 1812 год более чем сдержанно. В противовес этому либеральная общественность последовательно концентрировала внимание на роли народа в войне против Наполеона, в то же время ставя под сомнение официальную промонархическую версию единения сословий вокруг царского престола [См. Цимбаев 2012: 475-498].

Именно в это время и появляется великий роман «Война и мир», предопределивший на все последующие годы, десятилетия и даже столетия преобладание того образа войны 1812 года, который, несмотря на все усилия историков уточнить, скорректировать, а то и развенчать его, оказался самым прочным в пространстве «исторической памяти». В сущности, интерпретация Толстым событий 1812 года давно превратилась в важнейший элемент национальной идеологии россиян. За пределами же России «Война и мир» стала тем клише, благодаря которому сразу и однозначно идентифицируется в сознании французов, британцев, немцев и американцев исторический факт и исторический образ русского похода Наполеона в 1812 году.

Исследователи не раз обращались к историческому контексту, в котором создавалась «Война и мир» [Эйхенбаум 1928; Эйхенбаум 1931; Эйхенбаум 1940; Шкловский 1963; Бендерский; Бендерский 2018]. Обращались они и к «философии истории» Толстого. Поэтому

нам теперь стоит только «пройтись» по страницам романа, посвященным войне 1812 года, дабы соотнести их с той «исторической правдой», которая убедительно реконструирована (или кажется, что убедительно реконструирована) за 200 лет не одним поколением историков.

Наконец, отделив «историческую правду» от «историко-литературной фантазии», выясним, как и почему в дальнейшем «толстовский» 1812 год стал превращаться и превратился в национальный миф.

Отметим сразу, что сам Толстой полагал, будто он стал чуть ли не первым, кто нанес удар по традиционной политической истории, представлявшей собою ни что иное, как описание «деяний героев». Однако еще до Толстого в «Истории Консульства и Империи» Л. А. Тьера [Thiers 1856], которую русский писатель, судя по его библиотеке в Ясной Поляне, держал в руках, события наполеоновских лет были представлены иначе – с попыткой разностороннего анализа событий и причин, их вызвавших, с тонкой прорисовкой психологического контекста действий главных участников драмы. Да и в отечественной историографии уже была опубликована работа М. И. Богдановича. Но, о, странность! Толстой отверг книгу Богдановича, которую он счел несамостоятельной, «позорной книгой», и, наоборот, откровенно восхищался работой А. И. Михайловского-Данилевского [Михайловский-Данилевский 1839], как «беспристрастной и совершенной»¹ [См., например: Зайденшнур 1966: 7-8, 346; Толстой 1955: 88; 240, № 318а], при том, что книга была написана «по высочайшему повелению» к 25-летнему юбилею событий и оказалась проникнута духом консервативного патриотизма. Но, если Михайловский-Данилевский был участником войн с Наполеоном, то Лев Толстой уже относил себя к их потомкам, которые, по его словам, обладают «незатемненным здравым смыслом», а значит, считают, что все великие события предопределены фатумом, а «царь есть раб истории» [Толстой 1940: 4, 6]. «В исторических событиях так называемые великие люди, – писал Толстой, – суть ярлыки, дающие наименование событию, менее всего имеют связи с самим событием. Каждое действие их, кажущееся им произвольным для самих себя, в историческом смысле произвольно, а находится в связи со всем ходом истории и определено предвечно» [Толстой 1940: 7]. Подобный тезис, фактически центральный в «исторической концепции» Толстого, автор пытается подтвердить описанием начала войны 1812 года.

Напомним строки романа: «10-го июня он (Наполеон – В.З.) догнал армию и ночевал в Вильковисском лесу, в приготовленной для

¹ Впрочем, и с Михайловским-Данилевским писатель был в корне не согласен в том, что тот приписал лавры идейного вдохновителя победы 1812 г. Александру I, а не М. И. Кутузову, глубоко постигшему дух русского народа.

него квартире, в имении польского графа» [Толстой 1940: 10]. Однако, судя по всему, Наполеон прибыл в Вильковишки не 10-го, а под вечер 9-го июня (21-го по н.ст.) [Caulaincourt 1933: 339. Note]. И это единственная очевидная неточность, допущенная Толстым. В исторической литературе (работы А. Вандаля, Л. Мадлена, А. Шуермана) на счет действий Наполеона 9 (21)-го июня царит совершенная разногласица. Хотя в свое время Ж. Тюлар и Л. Гарро попытались исправить ошибки, допущенные их предшественниками [Tular, Garro 1992: 374], но и они сами тоже явно запутались.

Читаем Толстого далее: «На другой день (то есть 11(23) июня – В.З.) Наполеон, обогнав армию, в коляске подъехал к Неману и с тем, чтоб осмотреть местность переправы, переоделся в польский мундир и выехал на берег.

Увидав на той стороне казаков (*les Cosaques*) и расстилавшиеся степи (*les Steppes*), в середине которых была *Moscou la ville sainte*, столица того, подобному Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, – Наполеон, неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление, и на другой день войска его стали переходить Неман» [Толстой 1940: 10].

Что говорят документы? Первую половину дня 12(22) июня (понедельник) император провел в Вильковишках, отдавая приказы, готовя письма и диктуя 2-й бюллетень Великой армии с знаменитым воззванием о начале «второй польской войны». Вскоре после полудня, но определенно до 2-х часов дня, Наполеон едет в Антоново, а затем в Штрауден, куда прибывает в 11 часов вечера и располагается в доме польского ксенза [Caulaincourt: 339. Note]. Здесь, в саду, он поужинал вместе с обер-шталмейстером А. О. Л. Коленкуром, начальником Главного штаба Л. А. Бертье, генералом Р. И. Ж. Эксельмансом, шталмейстером Лаберти, польским офицером-переводчиком и капитаном Э. В. Э. Б. Кастеляном. Призвав ксенза, император стал задавать ему через переводчика различные вопросы. Среди прочих, Наполеон спросил его, молится ли он за него или за русских. Ксенз ответил: «За ваше величество». «Вы чувствуете себя поляком и католиком», – сказал ему Наполеон, а затем распорядился выдать 4 тыс. франков для возмещения того ущерба, который был вызван проходом армии [Castellane 1895: 104]. После ужина едет к ферме Навгаришки и, преодолев расстояние в 6,5 лье, он прибывает туда в час ночи [Caulaincourt 1933: 339. Note; 345. Note 1]; оттуда, к 2-м утра – он прибыл в Главную квартиру маршала Л. Н. Даву в д. Гора, находившейся в одном лье от р. Неман [Caulaincourt 1933: 345. Note 1; 343; 343. Note 1]. Отсюда Наполеон в своем берлине двинулся к деревне Алексота, находившейся на самом берегу Немана [Castellane 1895: 104]. Не доезжая деревни,

в расположении 6-го польского уланского полка император надел редингот полковника Паговского и его фуражную шапку (*bonnet*) из черного шелка. В таком наряде он вместе с Бертье, Коленкуром и генералом Ф. Н. Б. Аксо провел рекогносцировку берегов Немана. Судя по воспоминаниям Р. Солтыка, капитана из разведывательной службы Великой армии, наиболее удобным местом обзора Немана и его окрестностей стал дом некоего врача в деревне Алексота, окна которого выходили на реку. Он же, Солтык, отмечает, что если к прибытию в расположение 6-го полка Наполеон выглядел очень озабоченным и чрезвычайно уставшим, то после рекогносцировки он стал выглядеть хорошо и вид у него был веселый. Наполеон забросал поляков вопросами о характере местности, возможных бродах через реку и расположении неприятеля; затем он наскоро перекусил, переоделся, сел в сопровождении Бертье в экипаж и быстро уехал [Soltyk 1836: 10]. Судя по записям Коленкура, Наполеон после рекогносцировки в районе деревни Алексота еще обследовал левый берег Немана на 1,5 лье ниже по течению реки. Возвратился в Новгаришки в 3 часа дня и расположился в своей палатке.

В 6 часов вечера император сел на коня по имени Фридланда и проинспектировал понтонный экипаж по дороге на Ковно, сделал рекогносцировку в направлении Мариенполя. Возвратился к палатке в 8 вечера. В 9 часов снова сел на Фридланда и объехал все высоты и берег от пункта напротив Ковно «вплоть до того места, где перебрасываются мосты на лодках». Сошел с лошади в полночь. Занялся размещением артиллерии «на холме слева». Затем возвратился к тет-де-пону. Приказал разместить свои палатки в 800 туазах за ним [Schuerman 1911: 361; Castellane 1895: 105]. «Возвратился в 2 часа утра» [Caulaincourt 1933: 345. Note 1].

Во время рекогносцировки, вероятно, ближе к 8 часам вечера, с императором и его лошадью произошел инцидент, ставший чуть ли не хрестоматийным при описании перехода Великой армии через Неман. Полагаем, что первым, кто письменно поведал об этом инциденте широкой публике, был Ф.П. Сегюр [Ségur 1825: 146-147]. Сегюр отнес это событие к раннему утру 11(23)-го. «Когда он (император – В.З.) приблизился к этой реке (Неману – В.З.), его лошадь неожиданно повалилась (*s'abattit tout-à-coup*) и сбросила его на песок. Кто-то вскрикнул: “Это дурное предзнаменование; римлянин бы отступил”. Не понятно, кто произнес эти слова, он сам или кто-то из свиты» [Ségur 1825: 146-147]. Приведем описание этого случая по мемуарам Коленкура, который был свидетелем происшествия: «По окончании рекогносцировки он (император – В.З.) подъехал к группе чинов штаба, чтобы снова обсудить вопрос о различных пунктах, где войска могли бы занять позиции. Когда император скакал галопом по полю, из-под ног его

лошади выпрыгнул заяц, и она слегка отскочила вбок. Император, который очень плохо ездил верхом (*qui tenait fort mal à cheval*), упал наземь, но поднялся с такой быстротой, что был на ногах прежде, чем я подоспел, чтобы его поднять. Он вновь сел на лошадь, не произнеся ни слова. Почва была очень рыхлая, и он лишь слегка ушиб нижнюю часть бедра. Я тогда же подумал, что это – дурное предзнаменование, и я, конечно, был не единственным, так как князь Невшательский тотчас же коснулся моей руки и сказал:

– Мы сделали бы гораздо лучше, если бы не переходили Неман. Это падение – дурное предзнаменование» [Caulaincourt 1833: 343-344].

После ужина, что было, вероятно, между 8 и 9 часами вечера, он вызвал Коленкура и спросил, говорят ли об этом происшествии в ставке. Затем стал задавать многочисленные вопросы о России и русских. Ему было важно убедиться, будет ли русская армия защищать Вильно. Если даже русские откажутся от сражения под стенами Вильно, все равно, по мнению императора, меньше чем через два месяца Россия запросит мира. Коленкур взял на себя смелость не согласиться с выкладками императора [Caulaincourt 1833: 345-346].

Таким образом, очевидно, что переодевание в «польский мундир» и рекогносцировка происходили не 11(23)-го, как у Толстого, а 10(22)-го июня. Наполеон подъехал к Неману не в «коляске», а в дорожной карете, называвшейся берлином. Наконец, более чем художественно выглядит толстовская сцена осмотра полководцем бескрайних степей, «в середине которых была *Moscou la ville sainte*, столица того, подобному Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский». Нет никаких указаний и на то, что на правом берегу Немана Наполеон заметил казаков. Но главный момент, который не может не вызывать возражений историка, это то, что решение о переходе Немана было принято спонтанно, «неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям». Получается, что в течение двух лет, начиная с 1810 г., французский император проводил мобилизацию военных и экономических сил большинства стран Европы для войны с Россией то ли ради собственного удовольствия, то ли для того, чтобы попугать русского императора Александра, а 11(23)-го июня 1812 г., оказавшись на берегу Немана, вдруг, неожиданно для себя и своей армии, принял решение об открытии военных действий.

Книгами каких авторов вдохновлялся Толстой, рисуя эту сцену? По-видимому, книгами Ф. П. Сегюра и Г. Гурго, не преминув при этом весьма «творчески» их интерпретировать.

События следующего дня, то есть 12(24)-го июня, реконструируются следующим образом. 12(24)-го, в среду, император возвратился в палатку только в 2 часа утра [Caulaincourt: 345. Note 1]. Между тем, еще в 10 вечера 11(23)-го мостовой экипаж под командованием Ж. Б. Эбле начал перебрасывать три моста через Неман. В полночь они

были готовы и дивизия генерала Ш. А. Л. А. Морана начала переходить на правый берег [Caulaincourt 1833: 344. Note 1]. В 5 утра Наполеон сел на Фридланда и по мосту переправился через Неман, поскакал к высотам в 1,5 лье впереди, затем возвратился обратно к реке, перешел на левый берег и возвратился в палатку, где позавтракал. В полдень снова сел на Фридланда и с дежурной бригадой перенес Главную квартиру в монастырь Св. Креста, лежащий на правом берегу Немана. В 4 часа сменил Фридланда на Москву и провел рекогносцировку у Ковно, осмотрел город, занялся восстановлением моста через Вилию и отправил сотню польских лансьеров на правый берег этой реки. Прибыл в Ковно (точнее в монастырь, находившийся в четверти лье от города) в 8 часов вечера и лег спать [Caulaincourt 1833: 347. Note 2].

Мы воспроизвели действия Наполеона 12(24) июня исключительно по «Дорожному дневнику» А. О. Л. Коленкура. Мемуаристы и последующие авторы добавляют к этой картине различные штрихи. Так, непродолжительное время утром император мог находиться на возвышении рядом с дорогой, ведущей к мостам, и восседать там на своего рода «импровизированном троне» в виде бревен, положенных прямо на траву и балдахин из ветвей [Tular, Garrot 1992: 377]. Видели также, как чуть позже, уже переправившись на правый берег, император поигрывал хлыстом и напевал «Мальбрук в поход собрался» (Ibid.; Dupuy 1892: 166). Кастелян уверяет, что Наполеон был на лошади уже с 3 часов утра. Он же сообщает, что в тот день в ходе переправы через Неман прозвучало только несколько ружейных выстрелов, как можно понять, с той и с другой стороны. Вскоре после переправы Кастелян был отправлен императором в Ковно; город показался ему приятным, «для Польши хорошо отстроенным» [Castellane 1895: 105-106].

О деталях двух незначительных перестрелок повествует Р. Солтык, который пишет, что первая перестрелка произошла рано утром 12(24)-го, в темноте, в лесу на правом берегу Немана; стреляли одни русские – гусары; вторая перестрелка – чуть позже, но тоже еще в темноте, возле деревни, «лежавшей в кольце реки» почти сразу после леса [Soltky 1836: 10; Vandal 1893: 481-482]. По свидетельству Р. Солтыка, первым на правый берег Немана на лодках высадился 13-й полк легкой пехоты. Возможно, что солдаты именно этого полка стали первыми мишенями для русских ружей.

И все же первым, кто поведал широкой публике о деталях событий того дня, был Ф. П. Сегюр. Он написал, что первыми переправились через Неман «несколько саперов». Именно к ним подъехал казачий патруль во главе с офицером. После краткого обмена репликами трое французских солдат произвели в темноту несколько выстрелов. По словам Ф. П. Сегюра, император рассердился на то, что инцидент открыл неприятелю действия французов [Ségur 1825: 147-148].

Именно 12 (24) июня, но не 13 (25) июня, как у Толстого, произошёл знаменитый драматический инцидент, связанный с попыткой уланов переплыть р. Вилию. Напомним, как этот эпизод дан у Толстого. Наполеон, перебравшись по мосту через Неман, «подъехал к широкой реке Вилии». Он «остановился подле польского уланского полка, стоявшего на берегу.

— Виват! — также восторженно кричали поляки, расстраивая фронт и давя друг друга, для того чтоб увидеть его. <...> Не поднимая головы, он сказал что-то, и двое его адъютантов поскакали к польским уланам.

— Чтó? Чтó он сказал? — слышалось в рядах польских улан, когда один адъютант подскочил к ним.

Было приказано, отыскав брод, перейти на ту сторону. Польский уланский полковник, красивый, старый человек, раскрасневшись и путаясь в словах от волнения, спросил у адъютанта, позволено ли ему будет переплыть с своими уланами реку, не отыскивая брода. Он с очевидным страхом за отказ, как мальчик, который просит позволения сесть на лошадь, просил, чтоб ему позволили переплыть реку в глазах императора. Адъютант сказал, что вероятно император не будет недоволен этим излишним усердием.

Как только адъютант сказал это, старый усатый офицер с счастливым лицом и блестящими глазами, подняв кверху саблю, прокричал: «виват»! и, скомандовав уланам идти за собой, дал шпоры лошади и поскакал к реке. <...> Сотни уланов поскакали за ним. Было холодно и жутко на середине и на быстрине течения. Уланы цеплялись за друга, сваливаясь с лошадей. Лошади тонули, тонули и люди, остальные старались плыть вперед на ту сторону, и несмотря на то, что за полверсты была переправа, гордились тем, что они плывут и тонут в этой реке под взглядами человека, сидевшего на бревне и даже не смотревшего на то, чтó они делали. Когда вернувшийся адъютант, выбрав удобную минуту, позволил себе обратить внимание императора на преданность поляков к его особе, маленький человек в сером сюртуке встал и, подзвав к себе Бертье, стал ходить с ним взад и вперед по берегу, отдавая ему приказания и изредка недовольно взглядывая на тонувших улан, развлекавших его внимание. <...>

Человек 40 улан потонуло в реке, несмотря на высланные на помощь лодки. <...>

Вечеру Наполеон между двумя распоряжениями... сделал третье распоряжение о причислении бросившегося без нужды в реку польского полковника к когорте чести (*legion d'honneur*), которой Наполеон был сам главою» [Толстой 1940: 10-11].

В исторической литературе уже не раз говорилось, что Толстой чрезвычайно, до карикатурности, искажил обстоятельства и детали

несчастливого происшествия [См., например: Vandal 1893: 485. Note; Caulaincourt 1933: 348. Note 1; etc.]. Однако только в 1993 г. британский автор П. Б. Остин справедливо указал на главный источник, вдохновлявший Толстого. Полагаем, что многие авторы и до выхода книги П. Б. Остина осознали, хотя и не упоминали об этом, на чей именно текст опирался русский писатель – мемуары Ф. П. Сегюра, вышедшие впервые в 1824 г. [См., например: Vandal 1893: 485. Note; Caulaincourt 1933: 348. Note 1]. «Наполеон после Ковно, – читаем мы у Сегюра, – был очень рассержен тем, что в Вильно, где казаки разрушили мост, Удино¹, наткнулся на сопротивление. Наполеон сделал вид, что презирает это – как все, что составляло ему препятствие, – и приказал польскому эскадрону своей гвардии переплыть реку. Это отборное войско бросилось без всякого колебания.

Вначале они шли строгим порядком, а когда глубина увеличилась, и они уже не достигали дна, то удвоили усилия и вскоре вплавь достигли середины реки. Но там сильное течение разъединило их, лошади перепугались, уклонились в сторону, и их стало уносить течение. Они уже перестали плыть и просто старались удержаться на поверхности воды. Всадники выбивались из сил, тщетно пытались заставить лошадей плыть к берегу. Наконец, они покорились своей участи. Их гибель была неизбежна, но они пожертвовали собой перед лицом своей родины, ради нее и ее освободителя! Напрягая последние силы, они повернули голову к Наполеону и крикнули: “Да здравствует император!” Трое из них, еще держа голову над водой, повторили этот крик и затем исчезли в волнах. Армия застыла от ужаса и восхищения перед этим подвигом.

Что касается Наполеона, то он быстро отдал приказания, точно указывая, что надо делать, чтобы успеть их спасти. Он даже казался взволнованным...»

Однако через год после публикации книги Сегюра эта версия была решительно оспорена Г. Гурго, в 1812 г. офицером-ординарцем императора, человеком чрезвычайно темпераментным, последовавшем за поверженным императором на о. Св. Елены и продолжавшем бороться со всеми, кто смел, по его мнению, неуважительно отзываться о Наполеоне [Gourgaud 1825]. Л. Н. Толстой определенно был знаком и с книгой Гурго, а именно с ее штутгартским изданием 1827 г. [См.: Толстой 1955: 141-145]. Глава в книге Сегюра, посвященная началу кампании 1812 г., по мнению Гурго, была написана, дабы произвести мелодраматический эффект: Наполеон, стоя у сожженного моста через Вилию, должен был предстать перед читателями таким новым Ксерксом, приказывающим Геллеспонту усмириться. Эскадрон польских

¹ Удино (Oudinot) Николя Шарль (1767-1847), герцог Реджио, маршал Франции. В 1812 г. командовал 2 армейским корпусом Великой армии.

улан, которому он приказывает переправиться через реку, весь погибает, как и подобает в мелодраматическом сочинении. Гурго заявлял, что реальные факты были иными. Наполеон, подъехав к Вилии, обнаружил, что мост через нее был разрушен и тогда приказал эскадрону полка польской легкой кавалерии, относившейся к гвардии. Здесь Гурго пояснил, что это был первый эскадрон под командованием Козекульского, состоявший из 1-й роты капитана Залуского и 5-й роты капитана Шептыцкого, и что генерал Красиньский, командовавший полком, бросился в реку, чтобы спасти одного из своих солдат [Gourgaud 1825: 115-116. Note], переплыть через реку, «как было в практике у казаков». Во время переправы несколько человек, у которых лошади были плохи, отнесло течением от эскадрона, и один улан из первой роты по имени Трзейнский (Trzeinski) погиб. Офицер того же эскадрона – капитан граф Юзеф Залуский – потерял свою лошадь и тоже начал тонуть, но был спасен рабочим-сапером и солдатом легкой пехоты [Gourgaud 1825: 114-116]. Гурго подверг сомнению и факт разыгравшейся 12(24)-го жестокой бури, которая, по Сегюру, как своего рода предзнаменование, разыгралась в момент перехода армии через Неман [Ségur 1825: 151-152]. Бывший наполеоновский ординарец заявлял, что шторм разразился не 12(24)-го июня, а 17(29)-го, и был еще ранее описан у другого участника кампании – Э. Лабом. Э. Лабом действительно вскользь упоминает бурю, разразившуюся 17(29) июня во время перехода возле Пилон через Неман группировки Э. Богарне; описания шторма при переходе реки Наполеоном 24-го июня у него нет. Но дело в том, что Э. Лабом и не мог наблюдать события 12(24) июня у Ковно, так как состоял при штабе 4-го армейского корпуса Э. Богарне. Сегюр, по словам Гурго, просто перенес это событие на 12(24)-е для большего драматического эффекта.

Итак, казалось бы, историческая правда восстановлена! Однако... Шторм определенно был 12(24) июня и в районе Ковно, начавшись около 2 часов пополудни. Об этом имеются многочисленные свидетельства [см., например: Austin 1993: 55-56]. Судя по дневнику Э.В.Э.Б. Кастеляна, император отправился в 5 часов вечера проконтролировать, как идет сооружение моста через Вилию вместо сожженного русскими. Он оставался там два часа [Castellane 1895: 107].

В 1827 г. бывший секретарь-архивист Наполеона А. Ж. Ф. Фэн опубликовал свой «Манускрипт 1812 года», текст которого отличался высокой точностью и достоверностью приводимых в нем фактов. Фэн писал, что после перехода Немана корпусу маршала Удино было приказано форсировать еще одну реку – Вилию, дабы двигаться по ее правому берегу. Однако неприятель сжег мост и, не ожидая, когда мост будет восстановлен, 12(24)-го, под вечер, польские гвардейские шевальеры бросились в воды реки вплавь. В примечании Фэн первым из

авторов, писавших об интересующем нас эпизоде, обратился к бюллетеням Великой армии, а именно, к 3-му бюллетеню от 26 июня, в котором сообщалось следующее: «24-го, вечером, император перебросил новый мост через Вилию, напротив Ковно, и перевел маршала герцога Реджо (Удино – В.З.) со 2-м корпусом. Польские гвардейские шеволежеры пустились вплавь. Два человека стали тонуть, и их бросились спасать пловцы из 26-го легкого. Полковник Геэньк (Guéhéneuc) неблагоразумно подверг себя опасности, пытаясь сам оказать помощь; один пловец того полка был спасен» [Troisième bulletin 1821: 6]. В 1860 г. граф Юзеф Хенрик Залуский, тот самый, который в чине капитана командовал 1-й ротой 1-го шеволежерного польского гвардейского полка, упомянул в своих воспоминаниях о том, что при переправе через Вилию «потерял свою лошадь и чуть было не утонул, но был спасен сапером и солдатом легкой пехоты» [Zalusky 1860].

В конце XIX в., в годы формирования франко-русского союза, эпизод на реке Вилии описал А. Вандаль в 3-й части своего труда «Наполеон и Александр I»: «13-му полку линейной пехоты (А. Вандаль ошибся: полковник Геэньк командовал не 13-м линейным, а 13-м полком легкой пехоты – В.З.) было приказано на глазах императора найти брод. Так как поиски затянулись, полковник Геэньк, который командовал полком, потеряв терпение, потребовал охотников перебраться вплавь и произвести разведку противоположного берега. На этот призыв три сотни солдат покинули ряды, дабы выполнить сию задачу. Подобный поступок тотчас вызвал зависть, ибо смелость заразительна. Некоторое число французских и польских кавалеристов стояло на берегу Вилии; присутствие императора вызвало желание отличиться, экзальтацию, безумную неустрашимость; и вот все эти люди в воде, со своими лошадьми, оружием, экипировкой, и они стараются в таком виде, путаясь, достичь правого берега. Но течение быстрое, стремительное; оно увлекает их и кружит; множество этих несчастных с трудом борется с жестоким потоком, но, ослабев, выбившись из сил, отказывается от борьбы и, наконец, прекратив борьбу и потеряв надежду, уже погружаясь в бездну, пытается в последний момент крикнуть “Да здравствует император!” Видя подобное несчастье, полковник Геэньк, не думая ни о чем, но лишь прислушиваясь к голосу своего отважного сердца, не снимая своей блестящей формы, дает шпоры своему коню и бросается в поток; он стремится на помощь всадникам, ему удастся спасти одного из них, и которого он, торжествуя, вытаскивает на берег. Император холодно воспринял этот подвиг; он нашел, что подобный поступок, достойный похвалы, если бы дело касалось простого человека, не пристало командиру находящейся перед лицом неприятеля части, и который может жертвовать своей жизнью только ради родины. Наполеон, сам серьезно озабочившись принятием мер по спасению кавалеристов, упрекал полковника за его

понапрасну проявленный героизм, за его доблестный и человеческий порыв» [Vandal 1893: 485-486].

Двумя годами ранее выхода 3-го тома сочинения Вандаля были опубликованы мемуары Ж. Б. А. М. Марбо, в 1812 г. командира 23-го конно-егерского полка, которые сразу стали пользоваться большой популярностью у французской читающей публики [*Mémoires* 1891]. Марбо писал следующее: «За Ковно протекает очень маленькая речка Вилия, мост через которую противник уничтожил. После грозы вода в этом притоке Немана поднялась, так что передовым частям Удино пришлось остановиться. Император появился в тот момент, когда я сам подъезжал к голове колонны моего полка. Он приказал польским уланам попытаться перейти вброд: один человек утонул; я узнал его фамилию, его звали Чинский (Tzcinski). Я подчеркиваю эту деталь потому, что случаю, происшедшему при переправе польских улан через Вилию, уделялось слишком большое внимание» [Ibid.: 54].

Написал Марбо и об «ужасной грозе», разразившейся «к ночи» 12(24) июня. «Однако армия, — подчеркивал автор, — не увидела в этом дурной приметы, как привыкли говорить, поскольку солдат считает град и гром явлениями, вполне естественными летом. Впрочем, у русских, которые еще более суеверны, чем некоторые французы, тоже была очень плохая примета: в ночь с 23-го на 24 июня император Александр чуть не погиб на балу в Вильне, потому что пол в зале провалился под его креслом как раз в тот момент, когда первая французская баржа с первым отрядом войск Наполеона причаливала к правому берегу Немана на русской территории» [Ibid.: 53].

Да, фантазии Марбо было не занимать! И все же версия Марбо не противоречила тому, что написал Вандаль. В 1933 г., когда Ж. Ано-то впервые издал мемуары А. О. Л. Коленкура, обер-шталмейстера императора, стало ясно, чьи именно бумаги скрывались у Вандаля под загадочными ссылками «Неизданные документы». Это были мемуары Коленкура. Бывший обер-шталмейстер написал о событиях у Вилии 12(24) июня следующее: «Император посетил город (Ковно — В.З.) и его окрестности и занялся вплоть до вечера тем, что поторапливал переправу через Вилию нескольких пловцов и сооружение моста для переброски армейского корпуса (корпуса Удино — В.З.), который должен был действовать на той стороне реки. То был г-н Геэньк, который преодолел эту реку во главе двух сотен добровольно вызвавшихся пловцов. Он оставил свой полк легкой пехоты и бросился совершенно одетым в реку, чтобы спасти одного лансьера, которого увлекло течением. Император нашел, что сей поступок, который заслуживал бы большой похвалы, будь он совершен простым человеком, не подобал полковнику, который был во главе полка перед лицом неприятеля. Он (император — В.З.) ему (Геэньку — В.З.) это сказал» [Caulaincourt 1933:

347-348]. Издатель мемуаров Коленкура Аното счел нужным дать справку, из которой следовало, что полковник Шарль-Луи-Оливье-Жозеф де Геэньк (Guéheneuc) (1783-1849), родственник (beau-frère) маршала Ж. Ланна, командовал 13-м полком легкой пехоты. Этому полку было приказано найти брод на Вилии. Так как поиски затянулись, Геэньк, уставший ждать результатов, вызвал охотников переплыть реку и произвести разведку другого берега. Охотников это выполнить нашлось много. Их пример побудил множество французских и польских кавалеристов сделать то же, но течение было очень сильным, и оно увлекло за собой многих из них. И тогда полковник Геэньк, не снимая формы, бросил своего коня в реку и спас одного из них» [Ibid.: 348. Note 1].

Итак, историческая истина установлена! Как бы не так... Опубликованные в 1958 г. мемуары Ф. Дюмонсо, в 1812 г. капитана, командира 6-й роты 2-го шевалежерского-уланского (голландского) полка гвардии [Dumonseau 1958], предложили нам еще одну версию событий на Вилии, получившую хождение уже к вечеру того же дня 12(24) июня. На бивуаке, разбитом возле стен Ковно, капитан услышал от своих товарищей, «которые ходили в город, чтобы что-нибудь приобрести», что никто другой, как сам император, «поддерживаемый двумя солдатами», рисковал жизнью, пытаясь перейти бурный поток! [Austin 1993: 362. Note 5].

И все же хочется думать, что ввечеру 12(24) июня 1812 г. в водах бурной реки Вилии потонул только один несчастный польский улан по фамилии Чинский или Трзейнский.

Не менее «по-толстовски» выглядят и страницы, в которых дана картина тех дней с русской стороны. «Русский император между тем более месяца уже жил в Вильне, делая смотры и маневры. Ничего не было готово для войны, которой все ждали и для приготовления к которой император приехал из Петербурга. Общего плана действий не было». «Чем дольше жил император в Вильне, тем менее готовились к войне, уставши ожидать ее. Все старания людей, окружавших государя, казалось, были направлены только на то, чтобы заставить государя приятно провести время, забыть о предстоящей войне» [Толстой 1940: 12].

Между тем, все материалы, известные ко времени написания романа Толстого, а тем более ставшие известными к нашим дням, говорят, что писатель не просто заблуждался, а в угоду своей философии представил заведомо искаженную картину. Осознание Александром I неизбежности войны с Наполеоном наступило уже вскоре после тильзитского договора и определенно стало очевидным ко времени эрфуртского свидания в 1808 г. Планомерно и целенаправленно стала вестись подготовка к большой войне. Заключительным этапом стал отъезд русского императора 21 апреля (н.ст.) 1812 г. из Петербурга в

Вильно. Александр I не только сам проконтролировал подготовку двух Западных армий к началу военных действий, но и попытался расположить население Западного края в свою пользу. Российские власти вывезли накануне войны из западных регионов важную документацию, побудили к отъезду русских помещиков и чиновников и тех представителей литовской знати, которые ориентировались на Петербург, наконец, приняли меры, чтобы нанести возможный ущерб оставляемой территории (разрушить мосты, сжечь магазины и т. д.).

Вопреки «романтической истории», с готовностью воспроизведенной Толстым, будто известие о переходе Наполеоном границы Александр I получил во время бала на даче Л. Л. Беннигсена¹, русский император еще до бала в Закрете уже знал о начале неприятельского вторжения. Что же касается наличия или отсутствия у русского командования «общего плана действий», то вопрос этот уже почти два столетия является предметом неутихающих научных споров, но, во всяком случае, не может быть сведен к как бы мимоходом брошенному утверждению Толстого.

Собственно, и последующие заявления писателя о том, что французские войска в первые недели войны «еще находились в исправности, почти равной смотровой, мирной деятельности» [Толстой 1940: 16], что И. Мюрат не был королем Неаполя, «но его называли так, и он сам был убежден в этом», что он, Мюрат, имел свидание с Наполеоном в Дрездене, что французский император при первой встрече с Балашовым был в синем мундире с черным воротником, и т. д., и т. д. — просто вопиют о совершенном игнорировании автором романа общеизвестных моментов, и которые он изобретал сам, по ходу сочинения, с чуть ли не с демонстративным презрением относясь к «деталям» прошлого, из которых, собственно, должно складываться исторически достоверное полотно.

«Разделавшись» с описанием начала войны сценой швыряния Александром I в толпу бисквитов с балкона (что было создано исключительно воображением писателя), автор сразу переходит к ответу на главный вопрос о причинах поражения армии Наполеона в России. «Теперь нам ясно, что было в 1812-м году причиной гибели французской армии. Никто не станет спорить, что причиной гибели французских войск Наполеона было с одной стороны вступление их в позднее время без приготовления к зимнему походу в глубь России, а с другой стороны характер, который приняла война от сожжения рус-

¹ С целью придания своему тексту большей убедительности Толстой «сыплет» подробностями — о том, что бал был в зале, что А. А. Аракчеев во время бала был при шпаге, что после сообщения Балашова о переходе Наполеоном Немана император «еще около получаса» пробыл на балу — которые совершенно не согласуются с исторически достоверно воспроизведенной картиной этого сюжета.

ских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе» [Толстой 1940: 100-101].

Столь «дерзкое» откровение должно было, по мнению Толстого, нанести сильнейший удар по «истории царей и героев». Продолжая далее «разгероитизацию» 1812 года и, как ему казалось, высмеивая «французских и русских авторов», писатель предложил еще одно категорическое суждение: «Не только во все время войны со стороны русских не было желания заманить французов в глубь России, но все было делаемо для того, чтоб остановить их с первого вступления их в Россию, и не только Наполеон не боялся растяжения своей линии, но он радовался, как торжеству, каждому своему шагу вперед и очень лениво, не так, как в прежние свои кампании, искал сражения» [Толстой 1940: 101]. Однако не только серьезные исследователи, опубликовавшие свои работы ко времени написания Толстым «Войны и мира», но и те, которые позже десятки раз перепроверяли данные¹, считают, что Наполеон достаточно энергично искал возможности дать сражение с самого начала кампании, но и, конечно, отнюдь не радовался растянутости своих коммуникаций, продвигаясь вглубь России. Что же касается русского командования, то, хотя оставление Москвы и стало событием явно не предусмотренным ни в одном из планов ведения войны, но сама идея отхода армий от границы вглубь территории присутствовала в большинстве проектов, разработанных до начала военных действий.

С Толстым нельзя не согласиться в том, что многое «произошло от сложнейшей игры, интриг... не угадывавших того, что должно быть, и того, что было единственным спасением России» [Толстой 1940: 102], но вряд ли стоит принимать его конечный абсурдный вывод, что «всё происходило нечаянно» [Там же].

Своего рода кульминацией толстовского видения событий 1812 года стали строки, посвященные Бородинскому сражению. Следует отдать Толстому должное: прежде чем сесть писать о сражении, он едет на Бородинское поле. Ночь с 25-го на 26-е сентября 1867 г. он проводит в Можайске на станции, и утром 26-го он наконец-то видит Священное поле. Проведя ночь в странноприимном доме Спасо-Бородинского монастыря, утром 27-го он объезжает поле еще раз и возвращается в Москву [Толстой 1938: 151; 152-153]. Толстой был воодушевлен, ему казалось, что, находясь на Бородинском поле, он без особого труда может представить все передвижения русских и неприятельских войск. «Только бы дал Бог здоровья и спокойствия, а я напишу такое Бородинское сражение, какого еще не было», – сообщал он жене 27 сентября 1867 г. [Там же: 152-153]. Размышляя, прежде всего, о целях, заставивших Кутузова и Наполеона решиться на генеральное

¹ Лучшей работой в этом отношении следует признать монографию А. И. Попова [Попов 2003].

сражение, писатель прямо заявляет о его «бессмысленности» как для одного, так и для другого полководца. При этом Толстой утверждает, будто «Кутузов знал, что проиграет». Командующие, по его мнению, «поступили произвольно и бессмысленно. А историки под свершившиеся факты уже потом подвели хитросплетенные доказательства...» [Толстой 1838: 163-164]. Но главная «новация» Толстого, конечно же, оказалась связана с прославлением нравственной победы русского духа и русского оружия в Бородинском сражении. При этом Толстой вольно или невольно те страницы, которые касались Наполеона, его армии, французов и немцев, написал в пренебрежительном и ироническом тоне. Так, анализируя диспозицию, которую привел по Богдановичу, Толстой не пожелал видеть в ней ничего не только гениального, но и разумного. Сам Наполеон, по мнению автора, находился так далеко от поля боя, что ход сражения ему вообще «не мог быть известен и ни одно распоряжение его во время сражения не могло быть исполнено». Великая армия, безусловно, считал Толстой, проиграла сражение, так как победа могла быть только «в сознании сражающихся». В этом смысле русские, в отличие даже от немцев, сражавшихся на их стороне, без сомнения чувствовали себя победителями. Удивительно, что Толстой, противопоставляя сознание русских сознанию людей других наций, особенно даже и не французов, а немцев, позаимствовал идею об изначальной предопределенности нерешительного исхода сражения у К. Клаузевица!

В начале 3-й части заключительного тома Толстой возвращается к изложению собственных представлений о законах истории. Во многом с ним нельзя не согласиться. Он, в сущности, поставил проблему соединения разных (макро- и микро-) фокусов изучения прошлого, которая с особой актуальностью встанет перед исторической наукой только на рубеже XX-XXI вв. «Всякий вывод истории, – пишет Толстой, – без малейшего усилия со стороны критики, распадается, как прах, ничего не оставляя за собой, только вследствие того, что критика избирает за предмет наблюдения большую или меньшую прерывную единицу; на что она всегда имеет право, так как взятая историческая единица всегда произвольна.

Только допустив бесконечно-малую единицу для наблюдения – дифференциал истории, т. е. однородные влечения людей, и достигнув искусства интегрировать (брать сумму этих бесконечно-малых), мы можем надеяться на постигновение законов истории» [Толстой 1940: 267-268]. И далее: «Для изучения законов истории мы должны изменить совершенно предмет наблюдения, оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами» [Толстой 1940: 269].

В этом, в сущности, разумном утверждении Толстого обнаруживаются, по меньшей мере, два серьезных изъяна. Во-первых, сосредотачивая внимание на «бесконечно малых элементах» и при этом игнорируя «царей, министров и генералов», от которых, безусловно, зависело принятие ключевых решений, определяющих движение «малых величин», мы впадаем в другую, не менее, если не более, опасную крайность. Во-вторых, практически не имея возможности и не обладая профессионализмом историка в «оживлении» рядовых персонажей драмы 1812 года, Толстой прибег к искусственному, совершенно умозрительному, в угоду своей философии и мироощущению, созданию чисто литературных образов. «Перемешав» эти литературные образы (А. Балконский, П. Безухов, мадам Шерер, Платон Каратаев и пр., и пр.) с подлинными участниками событий, Толстой создал иллюзию (причем, обманчивую иллюзию) их исторической подлинности. Пожалуй, только одно «частное лицо», этот своего рода «бесконечно малый элемент», оказался прописан Толстым достаточно убедительно, и это не литературный персонаж, придуманный автором, а реальная личность, с которой было связано начало великого московского пожара, — Михаил Верещагин, жертва, брошенная главнокомандующим Москвы Ф. В. Ростопчиным на растерзание московскому простонародью, как для возбуждения ее патриотических чувств, так и для спасения своей собственной особы [Толстой 1940: 296-297]. Но и в этом случае, описывая сцену убийства Верещагина, Толстой не удержался от того, чтобы не присочинить от себя некоего «фабричного малого» и драгун, которые «выволокли со двора тело» [Толстой 1940: 348-349].

Особого внимания заслуживает, конечно же, личность «толстовского» Кутузова. Между ним и Платоном Каратаевым писатель провел явную параллель. Они (общеизвестная историческая личность и выдуманный писателем солдат) стали абсолютным воплощением высшей народной мудрости, проявляющейся в роевом начале. Но одновременно они как бы соединяют «традиционную историю» (своего рода макро-историю) и историю «бесконечно малых элементов». Причем и Кутузов, и «платоны каратаевы» явно противостоят «наполеонам», «александрам первым» и прочим историческим героям. Не в этом ли часть ответа на вопрос о причинах мощного воздействия «Войны и мира» на русскую историческую память о войне 1812 года? Рассмотрим это подробнее.

В 1867-1869 гг. роман вышел из печати. Он составлял тогда «вопрос времени», и им была занята «чуть ли не вся русская публика». Роман, и в особенности страницы, посвященные Бородину, вызвали волну критики. При этом если «ветераны» (А. С. Норов, П. А. Вяземский, А. А. Щербинин и др.) [Норов 1868: 189-246; Вяземский 1869; Щербинин 1912; 4-10] обрушились на то, как Толстой описывал русскую армию, то

люди более либеральных взглядов критиковали страницы, посвященные Наполеону и европейскому солдату [Земцов 2008: 39].

В дальнейшем с критикой на «толстовский 1812-й год» обрушился М. И. Богданович, который за искажением писателем частных, казалось бы, фактов увидел «литературную переключку» исторической правды [Богданович 1868]. Значительно более резок в критике Толстого как историка оказался А. Н. Витмер, который не только перечислил многочисленные исторические неточности (Подсчет «исторических ошибок» в романе продолжается и по сей день – их число переваливает за три сотни), но и категорически отверг сам толстовский принцип «историописания», предложив в пику ему начинать не с объявления о всеобщих законах истории, но с примарных фактов, которые легко реконструируются и подтверждаются [Витмер 1869].

Своего рода «перелом» в отношении к роману Толстого наступает с 70-х гг. XIX в. Свои плоды начала давать эпоха «великих реформ». Внимание пишущей и читающей публики теперь переносится с «официальных» героев 1812 года на «общество» и «народ». И толстовский роман с его «народным» Кутузовым, Платоном Каратаевым и с ничтожеством «сильных мира сего» пришелся как нельзя более кстати. А. Н. Попов, один из лучших историков 1812 года, публикации которого стали появляться в 70-х гг. XIX в., воспринял толстовское объяснение действий многих действующих лиц той эпохи.

В толстовском ключе о «духе войска» написал генерал М. И. Драгомиров [Драгомиров 1895; Драгомиров 1952]. Наконец, к 100-летию юбилею, к 1912 году, война с Наполеоном, по точному выражению И. И. Бендерского, «превращается в главный символ национальной памяти, в центральное событие русской истории» [Бендерский]. Причем очевидно, что к этому приложила усилия не только российская общественность, но и верховная власть. В условиях приближавшейся большой войны и в попытках найти общие точки опоры после событий первой русской революции именно 1812 год был избран в качестве главной исторической точки совпадения национальных интересов царского престола и «общества». И. И. Бендерский убедителен: в рамках «большой культуры памяти, в которой профессиональная историография занимает только некоторую определенную нишу,.. роман “Война и мир” уже занял центральное место» [Там же].

Тогда же, в начале XX в., роман попадает в школьную программу, становясь одним из основополагающих элементов национальной культуры и национальной культурной памяти.

Последующие события XX в., в особенности начиная с 30-х гг., не только сохранили за романом Толстого центральное место в рамках национального, уже советского, самосознания, но и привели к мощному воздействию толстовской интерпретации событий 1812 года на

профессиональную историческую науку. После работ А. А. Свечина, Н. А. Левицкого, Е. В. Тарле и других авторов 1930-х гг., в которых (после эпохи М. Н. Покровского) достаточно осторожно, но все же определенно возрождался толстовский 1812 год, с середины 40-х, когда Великая победа 1945 года совпала с 200-летним юбилеем со дня рождения М. И. Кутузова, начался период неумного восхваления русского полководца. П. А. Жилин, Н. Ф. Гарнич, Л. Г. Бескровный и другие советские авторы конца 40-х – середины 80-х гг., вне зависимости от ссылок на документальные источники, с удивительной последовательностью воспроизводили толстовско-советскую версию 1812 года.

Только с конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке, казалось бы, начинается постепенный отход от «толстовского 1812 года». Так, Н. А. Троицкий попытался последовательно развенчать «толстовско-сталинского» Кутузова [Троицкий 1988]. Но фактически сразу обрел сильного оппонента в лице Л. Л. Ивченко. Начались серьезные дискуссии в отношении планов сторон в 1812 г., хода военных действий, центральной темой в которых стали роль и результаты Бородинского сражения. Немало копий оказалось сломано вокруг пожара Москвы, хода и последствий Березинской операции. Не раз в последние годы авторы обращались и к личностям двух главных героев драмы – Наполеону и Александру I.

В этой связи крайне важно разрешить два вопроса. Первый вопрос: продолжала ли оказывать влияние «толстовская версия» на профессиональную историографию? Второй вопрос: сохраняет ли эта версия свое преобладающее влияние в поле современной исторической памяти россиян? Полагаем, что на оба вопроса следует ответить утвердительно. Несмотря на дистанцирование «научно-критического направления» в изучении 1812 года, возникшего к началу XXI в., от толстовского истолкования событий, в исследовательских работах продолжают мелькать суждения и подходы великого романиста. И это не просто проявление некоей имплицитно существующей традиции, связанной с воздействием «школьной программы» и визуальных образов многочисленных экранизаций «Войны и мира». Это свидетельство того, что Толстой сумел увидеть и отразить часть той правды, которая связана с эпопеей 1812 года. За счет чего увидеть и отразить? Гениальности? Возможно, не только и не столько. Думается, что, во-первых, за счет собственного опыта русского офицера, не только защищавшего севастопольские бастионы, но и хорошо постигшего теневые стороны армейского быта. Во-вторых, за счет того, что называем семейной и социальной памятью. Будучи не слишком отдален во временном отношении от эпохи 1812 года, Толстой, подобно М. Ю. Лермонтову и многим другим дворянам, родившимся после тех великих событий, впитал в себя через рассказы, фразы, настроения своих родных и близких те импульсы, которые посылал в будущее 1812 год. Наконец, в-

третьих, сама переломная эпоха начала «великих реформ» заставила талант Толстого в чем-то отрешиться от николаевского официоза и посмотреть на драму 1812 года глазами человека, жаждущего правды.

В сущности, эти три фактора предопределяют характер ответа и на второй, поставленный нами вопрос. «Война и мир» сохранила свое преобладающее влияние и в поле собственно исторической памяти. Более того, полагаем, что усилия историков-профессионалов из числа представителей «научно-критического направления» преодолеть «историческую толстовщину» оказывают весьма слабое воздействие на базовые представления нашего общества о своем прошлом, в том числе применительно к 1812 году. В этом плане не можем не отметить прочную зависимость коллективной российской исторической памяти от характера общей политики государства, которое санкционирует тот или иной вариант «памяти о прошлом». Как бы то ни было, но главной исторической работой, вдохновлявшей Толстого, было сочинение Михайловского-Данилевского, появление которого санкционировал Николай I.

Список источников и литературы

- Бендерский** – Бендерский И. И. «Война и мир»: от замысла к мифу. URL: magisterial.ru>war-and-peace.
- Бендерский 2018** – Бендерский И. И. К проблематике понимания сказанного об истории в книге «Война и мир» Л.Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 12-20.
- Богданович 1868** – Богданович М. И. За и против. Что такое «Война и мир» графа Толстого // Голос. 1868. № 129.
- Богданович 1859-1860** – Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко., 1859-1860. Т. 1-3.
- Витмер 1869** – Витмер А. Н. 1812 год в «Войне и мире» (возражения против исторических взглядов Л.Н. Толстого). СПб., 1869.
- Вяземский 1869** – Вяземский П. А. Поминки по Бородинской битве и воспоминания о 1812 году. М.: Тип. Грачева и К, 1869.
- Драгомиров 1952** – Драгомиров М. И. «Война и мир» графа Толстого с военной точки зрения // Л.Н. Толстой в русской критике. 2-е изд. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1952. С. 272-295.
- Драгомиров 1895** – Драгомиров М. И. Разбор романа «Война и мир». Киев: Изд-ие книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1895.
- Зайденшнур 1966** – Зайденшнур Э. Е. «Война и мир» Л.Н. Толстого. М.: Книга, 1966.
- Земцов 2008** – Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Изд. 3-е. М.: Братина, 2008.

- Михайловский-Данилевский 1839** – Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб.: Военная типография, 1839. Ч. 1-4.
- Норов 1869** – Норов А. С. Война и мир. 1805-1812: С исторической точки зрения. По воспоминаниям современников. (По поводу сочинения графа Л.Н. Толстого «Война и мир») // Военный сборник. 1868. № 11. С. 189-246.
- Попов 2002** – Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2002.
- Толстой 1940** – Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3 // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Художественная литература, 1940. Т. 11.
- Толстой 1955** – Толстой Л. Н. Черновые варианты «Войны и мира» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Художественная литература, 1955. Т. 15.
- Толстой 1938** – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Художественная литература, 1938. Т. 83. № 71. С. 151; № 72. С. 152-153.
- Троицкий 1988** – Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988.
- Цимбаев 2012** – Цимбаев К. Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 475-498.
- Шкловский 1963** – Шкловский В. Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963.
- Щербинин** – Щербинин А. А. «Война и мир», замечания мои на V том // Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 4. II. С. 4-10.
- Эйхенбаум 1928** – Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: пятидесятые годы. Л.: Прибой, 1928.
- Эйхенбаум 1931** – Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: шестидесятые годы. Л.: Художественная литература, 1931.
- Эйхенбаум 1960** – Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: семидесятые годы. Л.: Советский писатель, 1960.
- Austin 1993** – Austin P. B. The March on Moscow. L.: Greenhill, 1993.
- Castellane 1895** – Castellane E. V. E. B. Journal. P.: Plon, Nourrit et Cie, 1895. T. 1.
- Caulaincourt 1933** – Caulaincourt A. A. L. Mémoires. P.: Plon, Nourrit et Cie, 1933. T. 1.
- Dumonceau 1958** – Dumonceau F. Mémoires. Bruxelles: Brepols, 1958. T. 1.
- Dupuy 1892** – Dupuy V. Souvenirs militaires. P.: Lévy, 1892.

- Gourgaud 1891** – Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. Bruxelles: Tarlier, 1825.
- Mémoires du général baron de Marbot 1891** – Mémoires du général baron de Marbot. P.: Plon, 1891. T. 3.
- Schuerman 1911** – Schuerman A. Itinéraire general de Napoléon. P.: Jouve et Cie, 1911.
- Ségur 1825** – Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et la Grande Armée pendant l'année 1812. 4-ème éd. Paris; Bruxelles: Baudoin, 1825. T. 1.
- Soltyk 1836** – Soltyk R. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P.: A. Bertrand, 1836.
- Thiers 1856** – Thiers L. A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P.: Paulin, 1856. T. 13-14.
- Tolstoy on War 2012** – Tolstoy on War: Narrative Art and Historical Truth in "War and Peace" / Ed. by Rick McPeak and Donna Tussing Orwin. L.: Ithaca, Cornell Univ. Press, 2012.
- Troisième bulletin 1821** – Troisième bulletin. Kowno, 26 juin 1812 // Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. P.: Ponthieu, 1821.
- Tular 1992** – Tular J., Garro L. Itinéraire de Napoléon au jour le jour. 1769-1821. P.: Jules Tallandier, 1992.
- Vandal 1893** – Vandal A. Napoléon et Alexandre I-er. P.: Plon, 1893. T. 3.
- Zalusky 1860** – Załusky J. Wspomnienia o pułku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona I. Kraków, 1860.

References

- Austin 1993** – Austin P. B. The March on Moscow. L.: Greenhill, 1993.
- Benderskij** – Benderskij I.I. «Vojna i mir»: ot zamysla k mifu. URL: magisterial.ruwar-and-peace.
- Benderskij 2018** – Benderskij I. I. K problematike ponimaniya skazannogo ob istorii v knige «Vojna i mir» L.N. Tolstogo // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2018. № 1. S. 12-20.
- Bogdanovich 1859-1860** – Bogdanovich M. I. Istoriya Otechestvennoj vojny 1812 g. po dostovernym istochnikam. SPb.: Tip. Torgovogo doma S. Strugovshchika, G. Pohitonova, N.Vodova i Ko., 1859-1860. T. 1-3.
- Bogdanovich 1868** – Bogdanovich M. I. Za i protiv. CHto takoe «Vojna i mir» grafa Tolstogo // Golos. 1868. № 129.
- Castellane 1895** – Castellane E. V. E. B. Journal. P.: Plon, Nourrit et Cie, 1895. T. 1.

- Caulaincourt 1933** – Caulaincourt A. A. L. Mémoires. P.: Plon, Nourrit et Cie, 1933. T. 1.
- Cimbaev 2012** – Cimbaev K. N. Rekonstrukciya proshlogo i konstruirovaniye budushchego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovaniya istoricheskikh yubileev v politicheskikh celyah // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoj Rossii. Formirovaniye predstavlenij o proshlom. M.: Izd. dom VSHE, 2012. S. 475-498.
- Dragomirov 1895** – Dragomirov M. I. Razbor romana «Vojna i mir». Kiev: Izd-ie knigoprodavca N.YA. Ogloblina, 1895.
- Dragomirov 1952** – Dragomirov M. I. «Vojna i mir» grafa Tolstogo s voennoj točki zreniya // L.N. Tolstoj v ruskoj kritike. 2-e izd. M.: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1952. S. 272-295.
- Dumonceau 1958** – Dumonceau F. Mémoires. Bruxelles: Brepols, 1958. T. 1.
- Dupuy 1892** – Dupuy V. Souvenirs militaires. P.: Lévy, 1892.
- Ejhenbaum 1928** – Ejhenbaum B. M. Lev Tolstoj: pyatidesyatye gody. L.: Priboj, 1928.
- Ejhenbaum 1931** – Ejhenbaum B. M. Lev Tolstoj: shestidesyatye gody. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1931.
- Ejhenbaum 1960** – Ejhenbaum B. M. Lev Tolstoj: semidesyatye gody. L.: Sovetskij pisatel', 1960.
- Gourgaud 1891** – Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. Bruxelles: Tarlier, 1825.
- Mémoires du général baron de Marbot 1891** – Mémoires du général baron de Marbot. P.: Plon, 1891. T. 3.
- Mihajlovskij-Danilevskij 1839** – Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Opisaniye Otechestvennoj vojny v 1812 godu. SPb.: Voennaya tipografiya, 1839. CH. 1-4.
- Norov 1869** – Norov A. S. Vojna i mir. 1805-1812: S istoricheskoy točki zreniya. Po vospominaniyam sovremennikov. (Po povodu sochineniya grafa L.N. Tolstogo «Vojna i mir») // Voennyj sbornik. 1868. № 11. S. 189-246.
- Popov 2002** – Popov A. I. Velikaya armiya v Rossii. Pogonya za mirazhom. Samara: Samar. gos. ped. un-t, 2002.
- Schuerman 1911** – Schuerman A. Itinéraire general de Napoléon. P.: Jouve et Cie, 1911.
- Ségur 1825** – Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et la Grande Armée pendant l'année 1812. 4-ème éd. Paris; Bruxelles: Baudoin, 1825. T. 1.
- Shcherbinin** – Shcherbinin A. A. «Vojna i mir», zamechaniya moi na V tom // Chteniya v obshchestve istorii i drevnostej rossijskih. Kn. 4. II. S. 4-10.

- Shklovskij 1963** – Shklovskij V. B. Lev Tolstoj. M.: Molodaya gvardiya, 1963.
- Soltyk 1836** – Soltyk R. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P.: A. Bertrand, 1836.
- Thiers 1856** – Thiers L.A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P.: Paulin, 1856. T. 13-14.
- Tolstoj 1938** – Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1938. T. 83. № 71. S. 151; № 72. S. 152-153.
- Tolstoj 1940** – Tolstoj L. N. Vojna i mir. T. 3 // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1940. T. 11.
- Tolstoj 1955** – Tolstoj L. N. CHernovye varianty «Vojny i mira» // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1955. T. 15.
- Tolstoy on War 2012** – Tolstoy on War: Narrative Art and Historical Truth in “War and Peace” / Ed. by Rick McPeak and Donna Tussing Orwin. L.: Ithaca, Cornell Univ. Press, 2012.
- Troickij 1988** – Troickij N. A. 1812. Velikij god Rossii. M.: Mysl', 1988.
- Troisième bulletin 1821** – Troisième bulletin. Kowno, 26 juin 1812 // Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. P.: Ponthieu, 1821.
- Tular 1992** – Tular J., Garro L. Itinéraire de Napoléon au jour le jour. 1769-1821. P.: Jules Tallandier, 1992.
- Vandal 1893** – Vandal A. Napoléon et Alexandre I-er. P.: Plon, 1893. T. 3.
- Vitmer 1869** – Vitmer A. N. 1812 god v «Vojne i mire» (vozrazheniya protiv istoricheskikh vzglyadov L.N. Tolstogo). SPb., 1869.
- Vyazemskij 1869** – Vyazemskij P. A. Pominki po Borodinskoj bitve i vospominaniya o 1812 gode. M.: Tip. Gracheva i K., 1869.
- Zajdenshnur 1966** – Zajdenshnur E. E. «Vojna i mir» L.N. Tolstogo. M.: Kniga, 1966.
- Zalusky 1860** – Zalusky J. Wspomenia o pułku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona I. Kraków, 1860.
- Zemcov 2008** – Zemcov V. N. Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii. Izd. 3-e. M.: Bratina, 2008.